

Юлия Янчаркова
(Славянский институт Академии наук
Чешской Республики, Прага)

Художник сам себе закон

Когда-то имя художника Григория Алексеевича Мусатова (1889–1941) было хорошо знакомо как «русской» Праге, так и чехам. Оно часто мелькало на страницах русских и чешских газет, журналов. В 1983 году состоялась последняя посмертная выставка его картин. С тех пор круг людей, интересующихся его живописью, сужается. Свидетели уходят. Монография о жизни и творчестве одного из самых крупных русских художников в Чехословакии не написана. Восполнить многочисленные белые пятна в биографии Г. А. Мусатова ставит своей целью данная публикация.

Григорий Мусатов родился 30 января 1889 года в Бузулуке, Самарской губернии в семье иконописца Алексея Яковлевича Мусатова и Элеоноры Клеофасовны Миклошевич, польки по происхождению. Детство Григория прошло в Самаре, куда переехала многодетная семья в связи с тем, что Алексей Яковлевич купил там, на Никольской улице, дом. Все дети получили образование. Старший Михаил стал впоследствии инженером, Екатерина учительницей, Александр и Григорий были определены в живописцы. Дело отца было поставлено на широкую ногу, немалое, очевидно, количество заказчиков обуславливало дисциплину и строгость. В мастерской постоянно толпились ученики-подмастерья. В атмосфере ответственности и порядка, а также добросердечных разговоров за чашкой чая с медом со своей пасеки происходило приобщение Григория к искусству. Скульптор В. П. Акимов, выходец из Самары, позднее вспоминал: «Я пошел к Мусатову с матерью. Зашли во двор, потом на кухню, спрашиваем:

– Здесь живописец?

– Здесь живописец...

– Вот сын хочет учиться живописи, – говорит мать.

– Это хорошо, когда иконы писать, – отвечает кухарка, – да вот только никого хозяев-то нет. Уехали на юды... Они всегда по субботам на юды ездят...

Впервые слышу – что за юды? Оказывается, этюды. Старик Мусатов собирал всех своих учеников, и в субботу все садились на лодку и уезжали за Волгу»¹ Иконописцев, а их в городе было всего двое, вспоминает и К. Петров-Водкин, тоже учившийся в Самаре. Он описывает свою неудавшуюся попытку устроиться в мастерскую. Иконописцы были требовательные, совсем начинающих, не имеющих понятия о живописи, не брали, свободных толкований канонов не принимали².

Григория, как, вероятно, и всех остальных детей, родители определили в церковно-приходскую школу. По окончании он был зачислен в Самарское коммерческое училище. Там произошло знакомство Мусатова с Василием Васильевичем Гундобиним, оказавшее на молодого Григория большое влияние. В. В. Гундобин с 1903-го до 1913-го преподавал в коммерческом училище рисование. Окончив в Москве Училище живописи, ваяния и зодчества в 1899 году, он много путешествовал, некоторое время жил и учился в Париже, в Академии Кармона. Гундобин был приверженцем реалистической школы живописи, мастерски владел рисунком, был знатоком истории искусств, владел несколькими иностранными языками. Его появление в провинциальной Самаре оказало влияние на целое поколение интересующихся живописью. Григорий увлекся рисованием под руководством Гундобина, видимо, тогда у него появилось желание стать живописцем. Отец не противился этим устремлениям сына, забрал его из коммерческого и определил в художественное училище, находившееся в Пензе. Старший же брат Александр избрал путь самого Гундобина, поступив в Московское художественное училище.

В Пензе начинается новый этап в жизни будущего художника Мусатова. Он попадает в художественную среду, в общество творческих людей и начинает изучать азы художественной грамоты. Реалистическая школа, основанная на многочисленных штудиях, явилась прямым продолжением уроков Гундобина. В начале 1910-х годов эта школа, изживающая сама себя, считалась консервативной. Приблизительно в годы учебы Мусатова в училище произошел «мягкий» бунт студентов, что тоже, возможно, повлияло на его судьбу. М. Лентулова писала о бунте и о своем отце Аристархе Лентулове: «Несмотря на уважение к тогдашнему руководителю училища художнику Савицкому, Лентулов присоединился к группе старших учеников натурального класса, несогласных с методом преподавания, и вместе с ними перешел в Киевское училище с

---

¹ В. Володин. Самара, музей, художники. Воспоминания и исследования. Самара, 1997. С. 102.

² К. С. Петров-Водкин. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л., 1982. С. 312.

рекомендательным письмом, которое вручил им сам Савицкий, простивший их»³. Вера Георгиевна Мусатова (10.04.1893–23.05.1971), жена Григория, вспоминала позднее: «Большинству окончивших Пензенское училище был удел – учитель рисования. Грибочка (домашнее имя Григория Мусатова. — Ю. Я) это сознавал и потому, не закончив училище в Пензе, перевелся в Киев»⁴. Мусатов, очевидно, поступил по примеру Лентулова. Киев в то время был бурлящим городом в сравнении с маленькой провинциальной тихой Пензой. Н. Ю. Асеева в монографии, посвященной украинскому искусству и его взаимосвязям с искусством Запада, пишет: «В течение первого десятилетия XX века Киев стал первым после Петербурга и Москвы сосредоточением художественной жизни в России»⁵. В Киеве его ждала творческая свобода, возможность посещать выставки, смотреть, выбирать и пробовать себя в новых направлениях. Брат Александр, оставив учебу в Москве, тоже устремился по примеру Григория в Киев. Вероятно, братья посещали в Киеве рисовальные классы под руководством Александра Александровича Мурашко (1875–1919), существовавшие с 1913-го по 1919 год. Это учебное заведение представляло собой школу, которая в Киеве аналогов не имела и считалась одной из самых современных. Мурашко, получив образование в Академии художеств в Петербурге, пройдя практику в художественных школах Мюнхена и Парижа, мечтал сделать Киев художественным центром, подобным Мюнхену. В организации школы он использовал опыт, полученный за границей. В ней было несколько классов и, кроме практических занятий, Мурашко предложил студентам лекции по философии искусства и по всеобщей истории искусства. «В первый же год существования студии в ней обучалось более ста учеников. Так широко поставленное преподавание, ставившее целью воспитать не только умелого художника, но и мастера, обладающего широкой художественной эрудицией, не имело аналогичных примеров в частных студиях и школах того времени», – пишет Н. Ю. Асеева⁶.

В 1914 году грянула война. Григорий женился и устроился в Мекелес, недалеко от Самары, учителем рисования. Молодая жена Вера (урожденная Еляшевич), родом из Пензы, дочь торговца, переезжает в Самару к родителям

---

³ М. Лентулова. Художник Аристарх Лентулов. Воспоминания. М., 1969. С. 14.

⁴ В. Г. Мусатова. Воспоминания. Архив Э. Мусатовой.

⁵ Н. Ю. Асеева. Украинское искусство и европейские художественные центры. Конец XIX – начало XX века. Киев, 1989. С. 123.

⁶ Там же. С. 126.

Григория, и некоторое время вся семья живет вместе. В мемуарах, к сожалению очень коротких, Вера с теплотой сообщает: «Живя в доме у Мусатовых, я могла ближе познакомиться с их семьей. Это была изумительно честная и порядочная семья, взглядов по своему времени свободных, без предрассудков. Это особенно было видно из того, как например, старший сын, уже обремененный семьей, и Гриша женатый, жили вместе с родителями и не зарабатывали ничего для содержания своих семей. И никогда не было слышно ни одного упрека, а ведь в таких городах, как Самара, обыватели их считали за шалопаев, вообще за никудышных людей, живущих на шее отца. А отец был счастлив, когда видел, что сыновья его занимаются живописью. Правда, не так уж много они работали, потому что, во-первых, мешала война, во-вторых, любовь»⁷. Вера была помощником провизора в аптеке, и хоть она и высказывает в своих воспоминаниях сожаления о том, что по специальности была далека от искусства, именно эта профессия в дальнейшем помогла их семье выжить.

В 1915 году Григорий и Александр Мусатовы участвуют в выставке картин самарских художников. Григорий совместно со своим бывшим учителем Гундобиним и другими мастерами показывает работы на религиозные темы, а также портреты. Он в это время – начинающий художник, работающий в реалистической манере. В том же 1915 году молодой Мусатов был призван в армию. Для обучения он по назначению отправляется в Балашов Саратовской губернии, но попадает в штаб, где работает писарем. По решению полкового священника принимается расписывать церковь, работа длится около года. При всех этих удачных поворотах судьбы фронт и передовая не миновали Григория Мусатова. В конце 1916 года от попадает в саратовскую школу прапорщиков, учится и направляется на юго-западный фронт, состояние которого в тот момент было весьма удручающим.,

Рубежом в войне была отмена смертной казни, провозглашенная 12 марта 1917 года указом Временного правительства. «Армия обезумевших темных людей, – писал Корнилов 11 июля, – не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования... Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в

---

⁷ В. Г. Мусатова. Воспоминания. Архив Э. Мусатовой.

насилиях, грабежах и убийствах...»⁸. Декларация от 2 июля о предоставлении Украине автономии ухудшила и без того плохую ситуацию: «...старые русские офицеры и унтер-офицеры, оставленные в полках за неимением широко-украинского командного состава, подвергались надругательствам со стороны поставленных над ними зачастую невежественных украинских прапорщиков и солдат. В частях создавалась крайне нездоровая атмосфера взаимной ненависти и отчуждения»⁹.

Во время массовых побегов Григорий Мусатов дезертировал с фронта и вернулся в родную Самару. Но находиться там тоже было небезопасно.

Поэтому, присоединившись к армии Колчака, Мусатов с женой отправляется в Иркутск. И там, будучи далеким от политических проблем, он вновь дезертирует и переправляется во Владивосток. Путь туда был длительным и полным приключений. Время не сохранило имена тех, кто ехал вместе с Верой и Григорием. Известно лишь, что они путешествовали в группе художников. Во Владивостоке, где мобилизовывали всех способных держать в руках оружие, Григорий Мусатов тщательно скрывается и живет под фамилией Мельников. Временное пребывание в Приморье дало сильный творческий заряд. Данный период ознаменован активным общением с футуристами. Они собирались в так называемом «Балаганчике» – «приюте всех изгнанных из одуревшей от распрей России... Только одних музыкантов и актеров в городе было более шестисот человек. Но особенно много было художников»¹⁰. Новые веяния, набравшие силу в столицах, «спустились на землю» во Владивостоке – так писали в одной из афиш футуриста Виктор Пальмов, приятель Григория Мусатова, Михаил Аветов, Вацлав Арсов (Фиала). Возникшее в 1919 году литературно-художественное общество блистало такими именами, как Николай Асеев, Сергей Третьяков, Сергей Алымов, Давид Бурлюк. Григорий Мусатов окунулся в новую среду. Выставки, театральные представления, концерты... Но с захватом Владивостока японцами ситуация изменилась.

1920 год. В январе начинается отправка чехословацких легионеров на родину. Подрабатывая в порту, Мусатов наблюдал за происходящим. Летом же в суматохе неожиданно представилась возможность покинуть Россию. Мусатовы с радостью принимают ее и с чехами на судне «Тверь» отправляются в путешествие, не зная

---

⁸ А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь, 1917. М., 1991. С. 271.

⁹ Там же. С. 272.

¹⁰ Б. Дьяченко. Балаганчик – Литературная Россия, 1995, № 48. С. 16.

точно куда и не предполагая, что на всю жизнь.

Путь их лежал через Шанхай, Коломбо (город-порт на острове Шри-Ланка) и итальянский порт Триест. Во время длительного путешествия Мусатовы узнали, что в Чехословакии русскую интеллигенцию поддерживает правительство и их желание попробовать себя там укрепилось. Сначала в Прагу, а там как-нибудь и в Париж переберемся – таковы были планы. Григорий Мусатов привез с собой в Чехословакию множество зарисовок, набросков, сделанных по дороге.

Поселившись в пражском отеле «Беранек», где жило много русских, Григорий и Вера начали искать сферу применения своим молодым силам. Случай представился сразу же. Они попали в передвижной театр, состоявший из непрофессиональных актеров, колесивший по городам и весям Чехословакии. Интерес к русским, которых чехи не знали, но которым сочувствовали, гарантировал посещаемость. В кабачки, где устраивались выступления, набивалось много народа. После представлений актеров разбирали по домам на ночлег местные жители. Однажды театр приехал в городок Немецкий, сегодня Гавличков, Брод. Вечером их к себе пригласили супруги Киних. Большой радостью Мусатовых было то, что с новыми друзьями можно было говорить на русском языке; Богумил Киних – бывший легионер. Поистине счастливым случаем явилось знакомство с братом Марии Киних – Яном Зрзавы, ставшим впоследствии одним из самых известных чешских художников-модернистов. Супруги Киних помогли Мусатовым. Они устроили Веру помощником провизора в аптеке в городке Колин, недалеко от Брода. Благодаря этому Мусатовы смогли оставить театр. Постоянная зарплата Веры позволила Григорию усиленно заняться живописью после длительного перерыва. Ян Зрзавы, будучи членом «Художественной беседы», крупной чешской творческой организации, предложил Григорию Мусатову вступить в члены общества. Для этого он должен был принять участие в трех выставках. Перспектива влиться в чешскую среду, выставляться с известными художниками, жить жизнью общества притягивает Григория.

Спустя 3 года Григорий вступает в «Художественную беседу». Первые выставки подтверждают амплуа русского художника, продолжавшего жить Россией. Темы, привезенные из дома, исчерпывают себя в творчестве художника только через 10 лет. «Стенька Разин», «Катание в лодке», «Хулиганы», «В ложе» – произведения- 20-х годов представляют провинциальных кавалеров с гармошками и жеманных дам, Волгу, российский простор. Гладкая фактура письма, яркие локальные цвета, мягкие переходы светотени, полная статичность фигур, лиричность, поэтичность – таковы основные

черты его произведений. Первое десятилетие Мусатов искал себя в живописи, но поиск этот протекал тихо, спокойно, незаметно. Он выразился позднее в отказе от излюбленных тем и сюжетов, в стремлении к движению, в новой цветовой палитре и в богатой фактуре письма. Тихое, камерное, непретенциозное искусство Мусатова 20-х годов обрело своего зрителя. Годовые выставки мастеров «Художественной беседы» в Общественном доме Праги включали в себя нетребовательные по масштабу и невыделяющиеся числом полотна Мусатова. Но если бы их не было, чувствовали бы мы себя одиночками. «Мусатов в "Беседе" – русский, полнокровный и сознательно подчеркивающий это художник», – свидетельствует один из каталогов. Творчество Мусатова сравнивали часто с живописью Григорьева, Шагала, Руссо. Все эти сравнения имеют право на существование. Но при том Мусатов остается Мусатовым. Лирик, мечтатель, не борец и не бунтарь.

Вскоре Мусатовы из Колина переселились в Прагу. Они сняли квартиру недалеко от Я. Зрзавы, еще раньше переехавшего в столицу. Здесь их настигла ужасная весть. Вера и Григорий узнали, что в 1919 году на пасеке, куда Мусатовы часто ездили на этюды, бандитами были убиты родители Григория, его брат Александр с женой и ребенком. Мысль о возвращении отпала навсегда. Осталась только переписка с сестрой Катей, которая и сообщала периодически, что делается в родных местах.

Григорий продолжает писать, с 1923 года он полноправный член «Художественной беседы». Вера же, несмотря на то, что в 1923 году поступила на Русский юридический факультет в Праге, пытается найти работу. Путь ее лежал в Париж. Именно там она пробовала устроиться ретушером в фотоателье. Дорога ее в Европу проходила через Немецкий Брод, где она гостила у Киних и в семье Прагер. «Благословляю на бранный путь с фотографией! Познай эту великую мудрость. Практическую специальность необходимо иметь одному из нас, брать же работу, которая ничего не обещает, насилие над возможностью и лишение свободы», – писал Григорий жене 24 сентября 1924 года. В этом же письме он сообщает: «Пока не работаю. Сегодня первый день выхода в гимназию»¹¹. С 1924 года Мусатов являлся преподавателем русской гимназии. Отсутствие средств и необходимость платить за жилье толкнули его на этот путь. Попытка Веры оказалась безрезультатной, она вернулась, продолжила учебу, искала место помощника провизора в аптеке. Не найдя ничего, она начала ездить коммивояжером с фильмами по городам Чехословакии и

---

¹¹ Письмо Григория Мусатова. Архив Э. Мусатовой.

предлагать их на просмотр. Григорий выставлялся с «Художественной беседой» и самостоятельно. Вера бережно собирала о нем отзывы в печати, помогала с продажей картин.

Изредка приходили вести из России, от Кати. В них она сообщала об общих знакомых, о родственниках. В письме от 13 ноября 26-го года Катя рассказывает: «Пальмов Виктор живет в Киеве, Львовская, д. 33, кв.17, он служит там профессором, как говорила мне его мать. Пальмов – профессор! Так кем же был бы теперь Грибочка, живя в России? Я думаю, что по искусству Грибочка безусловно даровитее его». Виктор Пальмов, родом из Самары, окончил Московское художественное училище, был поклонником футуризма, другом Д. Бурлюка и В. Маяковского. Переехав из Москвы в Киев, Пальмов основывает там свое товарищество – Объединение современных мастеров Украины, ОСМУ. «Вдохновленный надеждами революции и травмированный ее ужасами, он не мог делать приятные, "как вишневое варенье", декоративные росписи в духе Малевича. Цветопись Пальмова – это драматическое столкновение ярких красок жизни, которые внезапно меркнут перед лицом смерти», – пишет Д. Горбачев¹². Пальмов опубликовал теорию своего подхода к цветописю в журнале "Нова генерація" в 1929 году. Статья вышла после смерти автора.

Григорий Мусатов теоретических трактатов не писал, в его архиве нет и воспоминаний, только письма. Однако на одном пригласительном билете сохранились слова, возможно являвшиеся его эстетическим кредо: «Творчество само в себе носит законы изящного. Проверка их – внутренняя критика; применение их – инстинкт художника. Если нет того и другого – нет творца-художника; если есть творец-художник, должно быть и то, и другое, и художник сам себе закон».

Конец 20-х годов был творчески напряженным в жизни Мусатовых. В 1929 году, когда Вера заканчивала юридический факультет, чешское книжное издательство «Мелантрих» решило издать полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в переводе Богумила Матезиуса. Григорию предложили создать иллюстрации. Работа, увлекшая обоих супругов, длится два года. Вера читает вслух, Григорий набрасывает привидевшиеся ему образы. Увидели свет, однако, не все романы великого писателя, издательство ограничилось только тремя – «Бесы», «Братья Карамазовы» и «Униженные и оскорбленные».

---

¹² Д. Горбачев. На карте украинского авангарда – Наше наследие, 1991, № 2. С. 141.

В 1931 году родилась дочь Элеонора – продолжательница дела отца, художница, известная сегодня как в Чехии, так и за ее пределами. Росла она среди мольбертов и красок, рисовала с детства, хотя отец специально ее ничему не учил. Будучи эмигранткой во втором поколении, она ходила в русский детский сад, в русскую школу. Другом ее детства был Ростик Петкевич, сын Ольги Петкевич, урожденной Набоковой, племянник В. Набокова. Просматривая газеты конца 30-х годов, видишь сообщения о русском детском саде. «Одно из самых отрадных впечатлений в текущем сезоне оставил детский спектакль "Утро детского искусства" в Умелецкой беседе ("Художественной беседе". – Ю. Я), поставленный силами детей, воспитанников детского сада в Дейвицах. Все постановки отличались тщательностью подготовки, красочностью и вкусом в костюмах и декорациях и замечательной, отчетливой и подлинно талантливой игрой маленьких артистов. Трудно даже выделить кого-либо в особенности, все были хороши: старик – Саша Масальский, старуха – Нина Папоушек, Петрушка – Нора Мусатова. Надо отдать должное подготовившим все это радостное зрелище воспитательницам Детского сада Вере Александровне Фридман и Марии Андреевне Крюковской, а также и давшему художественное "оформление" спектаклю художнику Г. А. Мусатову» (Новости, 30. 04. 37).

Под влиянием членов «Художественной беседы» живописная манера мастера освобождается, раскрепощается, кисть становится легкой, подвижной, картины насыщаются воздухом, светом. В первых портретах дочери, кажется, можно уловить дыхание спящего розовощекого младенца, увидеть тень подрагивающих ресниц. Гладкая фактура исчезает, глухие непроницаемые фоны и локальные, декоративные цветовые пятна сменяются фонтаном мазков; прорывающиеся куда-то в бесконечность, они разбивают цвета на массу оттенков. Становится новым и набор тем. На место воспоминаний приходят впечатления от развития техники и общества, новые ощущения стремительно меняющегося времени: «Экспресс», «Полет», «Аэроплан», «Автомобиль» и т. д.

В 1931 году критиком Анатолием Жаковским была предпринята попытка анализа творчества Г. Мусатова. Автор видит корни изменения манеры художника в 1928 году. «Происходит сложное перерождение живописи Мусатова. Несмотря на сильную, еще, быть может, чисто русскую психологическую насыщенность картин, они явственно переключаются в интернациональную живопись, живопись теперешнего Парижа. И период этот следовало бы назвать психологическим. Новая фактура картин с почти сюрреалистическим напряжением красок, свободно прорастающих в очертания

предметов, несколько нейтрализует его беспокойный психологизм, последней вылазкой которого явились иллюстрации художника к романам Достоевского», – пишет А. Жаковский.

В том же 1931 году Мусатов бросает преподавательскую деятельность. Он уже заработал свое постоянное место в художественной жизни Чехословакии, у него была своя аудитория, картины раскупались, гимназия тормозила его, занимала много времени, да и творческой работе он отдавал несравнимо большее предпочтение, чем преподаванию. В Литературном архиве в Праге сохранился написанный Мусатовым от руки список картин с указанием цен. Средняя цена колеблется от 3 до 5 тысяч крон, что тогда составляло сумму немалую. Месячное пособие русского профессора равнялось 800 кронам.

В 1932 году Мусатов показал свои произведения в Париже на выставке русских художников. В 1938 году в галерее Шарпантье состоялась персональная выставка работ Г. Мусатова. Ян Зрзавы писал о живописи своего приятеля: «Его мотивы всегда исключительно русские. Только в последние годы жизни он обратился к той среде, в которой жил, к чешскому пейзажу и к мотивам, из него проистекающим. Для нас его чешские пейзажи особенны хватающей за душу симпатией: мы видим в них наши чешские раздолья, но погруженные в глубокую русскую думу, легендарную, бесконечную».

Надвигалась Вторая мировая война. Вера Мусатова-Еляшевич происходила родом из еврейской семьи, одной из очень немногочисленных в Пензе. Подтвердить свое «арийское происхождение» она пошла, как и все остальные, в так называемый «Опорный пункт» со свидетелями – двумя своими подругами Марией Михайловной Жидлицкой, родом из Пензы, и Александрой Дмитриевной Поповой, взявшими добровольно на себя эту ношу. А. Д. Попова – актриса, она выступала в составе Русской драматической группы, которой руководила Э. Ф. Днепрова, в России же до революции играла в театре Корша в Москве. Несмотря на то, что многие находились в подобной ситуации и что заполненная и подписанная анкета лежала в столе у Ефремова, тоже учившегося в свое время на юридическом факультете, Вера была напугана, работать официально не могла, боялась, что все может раскрыться.

Григорий Мусатов последние дни своей жизни провел у радиоприемника. Сообщения не утешали. Слабое сердце художника не выдержало напряжения. 8 ноября 1941 года от второго инфаркта Григорий Мусатов умирает. Вера остается с 10-летней Норой.

Григорий Мусатов чувствовал, видел как чуткий художник, что грядет нечто ужасное. Его последние полотна отражают надвигающуюся катастрофу. «Мобилизация», «Капитуляция», «Освобождение» – таковы темы последних произведений. Абсолютно аполитичный человек, Мусатов еще в 1938 году в своих набросках, эскизах к неродившимся картинам предсказал победу в еще не начавшейся войне.

Всю войну его семья жила продажей картин. Он не узнал, что продали или поменяли на масло и хлеб почти все. Ему не суждено было увидеть, как охотно раскупались его произведения «по дешевке», в ситуации беды и нужды.

Он умер, не предполагая, что картинные галереи спустя несколько лет будут выкупать его полотна у коллекционеров и устраивать выставки.

Григорий Мусатов не наблюдал за первыми шагами своей дочери в искусстве, он не дождался совместной выставки Норы с тем, с кем его так часто сравнивали критики – Марком Шагалом.

Он ушел из жизни, не представляя, что в недалеком будущем Национальная галерея в Праге будет располагать большим собранием его картин.